

Родился в 1959 году в г. Прокопьевске Кемеровской области. После службы в армии переехал в Новокузнецк. Работал рабочим на ЗАПСИБе, писал стихи и прозу, готовился к поступлению в Литературный институт им. М. А. Горького. В 1991 году поехал поступать в Москву. Вступительные экзамены вроде бы сдал, но почему-то не был зачислен. Вернулся в Новокузнецк и через два месяца добровольно ушёл из жизни.

1959 – 1991

Сергей ФОФАНОВ

ТИК-ТАК

Будильник тикает в себе, и сердце тикает во мне,
и то же тихое в судьбе... в цветке рассвета на окне...
В единстве всё, как ни верти, ведь даже в мыслях и цветах
есть свой душевный нервный тик и свой машинный мерный так.
Во – тьму исчиркавших – огнях, камнях, стучащих на пути,
и в тонком ржании коня – рвут изнутри всё – так и тик.
Не взрывы ль пляшут впереди? Ах, на скаку не разобрать!
Не мина ль тикает в груди: тик-так-тикать, тик-так-тикать?!

Когда к тому, кто в споре тих, взывают с пеной на устах,
то, про себя подумав: тик, – он тем и тем кивает: так!
Свет этот, видит он, без дна, – для истин в нём основы нет.
А есть – то надвое она. Ареной битв нам явлен свет!
И нитей связи не найти меж тик и так: всегда чета,
но – несводим случайный тик с невозмутимо точным так.
Земля и небо! – вихря винт меж ними сломится, вскрутятся, –
но насмерть стягивает их – их чуждость другу... антисвязь!..
Когда к тому, кто в споре тих, взывают с пеной на устах,
то, про себя подумав: тик, – он тем и тем кивает: так!
Но кто отвертится, дурак, от разногласий и врагов?
Творец стравил всё: свет и мрак, неумных и недураков...
Тик-так тревожно впереди. Всё ждем чего-то... И в цветах,
и в судьбах с музыкою тик враждует высчитанный так...

Пойми, родная, и прости. С тропинки узкой не своди.
Пусть не расходятся пути, но и не сходятся – в один!
На коем росчерком огней всей ужас тьмы намечен лишь,
в которой ненависть ко мне ты от любви не отличишь.
Тревожным станет поцелуй, когда сольются тик и так:
выскрит он слёзы по лицу, и покорятся уста.
Соединясь, твой плач и смех расплавят лёд моей вины, –
и эта взрывчатая смесь покончит с миром – без Войны.

РОДИНА

Вот и снова зима... Каждый день, каждый вечер – зима!
Никуда от неё – только в сон и в сознания глубины.
Но по льду, что мне взгляд оковал, поскользился я с ума,
не сыскав полыньи, – вверх, всё вверх... где в краях голубиных
голубых небесят я кровавым кормить буду ртом...
буду – ртом я, и больше ничем, – ртом и кустиком нервов,
рваных вен я и нервов на небе горячем, крутом, –
остальное внизу всё возьмет он, земли этот жернов.

...Жернов этой земли, надорвавшейся серой земли,
пробираемой всеми ветрами и высью угрюмой.
Запоёт как, закружится он – и найдут меня вдруг,
чтоб развеять в муку, все на свете родные метели.

ТЕОТИУАКАН

Небу мрачно без птиц. Я сижу за окном, пью вино.
Снег идёт на меня, но стекло вдруг... богатое сито.
Что-то вспомнилось мне – то, что всеми забыто давно,
так давно, Боже мой, что, быть может, навеки забыто...

Теотиуакан! Город неба на круге земли...
Знал я тропку к тебе – что мне мир этот, грубый и тесный?
Но пески, но снега, видно, тропку мою замели,
и она повела через звёзды небес, через бездны...

Город неба! Не сплю – жду, пошлешь мне призывную весть.
...Утро розовым камушком кануло в мутном стакане.
Поднимаю стакан я и взгляд – свет свидетель, я здесь!
С этим здесь, только тень – тени тень – в Теотиуакане...

Сил глядеть больше нет. Что таил, всё по крошке раздал
жизни жадным птенцам. Ах, миляги! – давлю их и режу,
чтобы съесть... как свистят!.. Я не брежу, я просто устал.
Так устал, Боже мой, что, похоже, действительно брежу.

✂

В разных толпах, в одной ли поврозь мы идём,
о любимая, знать не хотим
друг о друге мы, с кем обрели бы вдвоём
свет и дом на земле, а не дым.

Как темны твои губы, как пальцы теплы!
а душа на ветру сожжена...
И глядит на тебя человек из толпы,
и лицом его движет она.

✧

В кои-то веки железные, бешено
толпы мешавшие ложкой кривой,
жил музыкант некий тихопомешанный
с еле дышавшей гармошкой его.

Дикая музыка умалишённого!
Пальцы над планкою еле видны.
Щёлкают клавиши – клавиши-молнии,
клавиши-лица и клавиши-дни.

Белый кутёнок, из блюдца лакающий,
пруд с облаками и тьма с мошкаррой –
всё это клавиши, слабые клавиши
несокрушимой гармошки его.

ВЕЧЕР

Вы не троньте меня,
уж надорвана тьма меж душою и мной.
Хватит нитки огня,
чтобы тихая даль встала жадной стеной.

О любовь моя, боль!
Ты уста у тоста, ты не та у моста.
О тоска моя, в бой! –
я остыл на мосту, я устал, я уж стар...

В блеске ночи иль дня
взгляд развеется мой, отшумит голова.
Нет ни вас, ни меня –
есть о завязях звёздных слова и слова...

О родимая, прочь!
Что мне проку ещё в этой чёрной резьбе?
Не черти, не пророчь, –
я не верю тебе! Я не верю тебе!

Что-то в мёртвом живёт
больше нас, выше нас, – говорю, говорю...
Вышел в поле – и вот
проводок стебелька – оголю и сгорю.

...День тревожный прошёл.
Перестали метаться стихи на столе.
Запад розово-жёлт,
и темна, как колдунья, ладонь на стекле.

ПРАОТЕЦ

Прищёлкивающий коз
клыками скалистой бездны...
Рычал он, вгрызаясь в кость.
Потом это стало песней.

В пещеру вселивший дым,
и в камень врубивший мифы...
Сияли ему из тьмы
глаза узколобой Нимфы.

Всё ближе. Души бледней,
он шёл к ней. И звёзды эти
всё ближе, родней, страшней...
Весь ужас его пред ней
любовью назвали дети.

✧

Как страшно ты открыта...
птенец во ржи!
Не ловишь – улетит он,
поймал – держи.
Не зверь и не мальчишка,
и дорожу, –
жду посмотреть, взлетишь как.
Стою, гляжу.

ИСТОРИЯ

Их было двое на земле –
вон той – в венце из звёзд,
лежащей в прахе и золе,
отбросив в вечность хвост.

Любовь их грела и сожгла,
спасаясь лишь сама:
она в послушницы ушла,
а он сошёл с ума.